

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ПОНИМАНИИ Х. НАКАДЗИМЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д. А. Рубан

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2018 г.

Аннотация: *к настоящему времени сложилось несколько подходов к трактовке науки и научного познания. Интерпретация идей Х. Накадзимы позволяет обозначить особенности его понимания социальной детерминации научного познания. В частности, в его работах прослеживается мысль о том, что социальная детерминация ставит под вопрос развитие мировой науки в соответствии с известной схемой Т. Куна. При этом социальная детерминация научного познания тесно связана с государственной политикой в области науки и восприятием науки обществом. Представления о социальной детерминации научного познания вновь поднимают проблемы, актуальные в марксистской философии. Развиваемые Х. Накадзимой идеи должны восприниматься с должной степенью критичности. Примеры становления новых направлений исследований в начале XXI в. подтверждают идею о важности социальной детерминации научного познания.*

Ключевые слова: *государственная политика, марксистская философия, научное познание, научное сообщество, социальная детерминация.*

Abstract: *presently, there are several approaches for the understanding of science and scientific cognition. The interpretation of the ideas of H. Nakajima permits to outline peculiarities of his understanding of social determination of scientific cognition. Particularly, his works trace the idea that social determination questions the development of the world science according to the well-known Kuhn's scheme. Moreover, the social determination of scientific cognition is tied closely to the state policy in the sphere of science and the perception of science by the society. The views of the social determination of scientific cognition raise again the problems urgent in the Marxist philosophy. The ideas developed by H. Nakajima should be treated with certain criticism. Examples of establishment of new research directions in the beginning of the 21st century prove the importance of the social determination of scientific cognition.*

Key words: *state policy, Marxist philosophy, scientific cognition, scientific community, social determination.*

Понимание сути научного познания неразрывно связано с представлениями о самой науке. Последняя в самом общем и в некоторой степени упрощенном виде может быть сопоставлена с такими категориями, как научное знание, научно-исследовательская деятельность и научное сообщество. При этом признание науки тождественной лишь одной из этих трех категорий недопустимым образом сузит представления о ней, что окажет несомненное влияние и на понимание сути научного

познания. Тем не менее к настоящему времени сложилось несколько подходов (традиций) к трактовке науки и научного познания. Один из них обозначен в трудах современного японского историка, философа и теоретика научно-технического прогресса Х. Накадзими [1–3]. Работы данного ученого, характеризующиеся своеобразием стиля и предельной лаконичностью, малоизвестны в России, в том числе по причине публикации некоторых из них на японском языке. Однако обращение к ним исключительно важно как для понимания отмеченного выше разнообразия философских представлений о современной науке, так и для приобретения ценных знаний относительно социальной детерминации научного познания. Здесь следует отметить, что как научная, так и организаторская деятельность Х. Накадзими играет значительную роль в научной среде Японии и Юго-Восточной Азии в целом. Он является своего рода знаковой фигурой при обращении к тематике, связанной с рассмотрением научного познания в общественном аспекте.

Проведем краткий анализ основных идей Х. Накадзими, предполагающий их выделение, систематизацию и критическое осмысление. При этом необходимо увязать их с представлениями некоторых отечественных специалистов, а также обсудить их значение на представительных примерах из практики современных научных исследований. В качестве основного материала используем три основные статьи Х. Накадзими [1–3], из которых наибольшее значение имеет работа 2007 г. [2], где сформулирована сама суть его взглядов.

Под социальной детерминацией научного познания будем понимать зависимость последнего от процессов, происходящих в обществе. Речь может идти об общих ориентирах его развития, сложившихся исторически или характерных для данного исторического этапа, внешней открытости или, наоборот, закрытости, социальной напряженности и т. п. При этом сама детерминация может заключаться в подверженности научного познания влиянию факторов, связанных с этими процессами, его “привязке” к интересам общества, а также особой роли научного познания в социальном развитии. Представления о такого рода взаимосвязях восходят к марксистской и неомарксистской философии [4]. Они активно развиваются отечественными исследователями. В частности, им посвятили свои работы Е. А. Мамчур [5] и позднее С. А. Лебедев [6–7], А. Э. Назиров и др. [8], О. В. Русина [9], Н. Г. Супрун [10], Г. А. Ширшин [11]. Все они так или иначе используют понятия «социальная детерминация» и «социокультурная детерминация» в применении к научному познанию. В частности, С. А. Лебедев [7] отмечает, что как современная наука, так и научное познание носят социальный и инновационный характер. О. В. Русина [9] анализирует основные модели воздействия культуры и общества на научное познание, проводит различие между интерналистской и экстерналистской стратегиями, а также выделяет социальную природу познания, социокультурную обусловленность познания и социокультурную детерминацию научного знания. Г. А. Ширшин [11] анализирует связь науки и практики, противоречие между ними и

соответствующую связь с природой научного познания. Таким образом, налицо актуальность изучения социальной детерминации научного познания в свете как «классических», так и новейших философских представлений о науке.

Теперь обратимся непосредственно к идеям Х. Накадзимы. В своей работе [2] он прослеживает, с одной стороны, эволюцию философских взглядов на науку в Японии, начиная с реставрации (по сути революции) Мэйдзи (яп. *Мэйдзи исин*, 1868 г.) и до начала XXI в., а с другой – историю изучения науки и научного познания в этой стране (яп. *кагаку-рон*) в течение того же периода. Сразу необходимо оговориться, о чьих взглядах идет речь. Во-первых, это взгляд самих ученых (не только философов, а деятелей науки в целом), а во-вторых, это взгляд государства или, если говорить точнее, тех его структур, которые определяют политику в сфере науки. Они тесным образом переплетены между собой, и провести различие между ними не всегда просто, в том числе и по причине тесного взаимодействия ведущих представителей национального научного сообщества и отмеченных государственных структур.

В общем виде Х. Накадзима обрисовывает следующую историческую перспективу [2]. Бурное социально-экономическое развитие после Мэйдзи исин происходило под сильным британским влиянием, что, однако, не касалось области права и академической среды, где были привиты немецкие традиции, включая получившие широкое распространение марксистские идеи. Это касается и взгляда на науку и научное познание. Демократизация японского общества после 1945 г. вновь усилила роль британских взглядов и одновременно марксизма. Однако начало холодной войны ознаменовалось быстрым распространением американских традиций, доминирование которых способствовало проникновению идей Т. Куна. Кроме того, последнему благоприятствовало также появление новых вызовов (в том числе экологических). Последующее окончание холодной войны повлекло за собой усиление внимания к общественным проблемам. В изучении науки это выразилось в усилении влияния новых европейских исследовательских традиций, связанных с обращением к проблемам науки в контексте повседневной жизни. Однако к началу XXI в. интерес к соответствующей тематике начал ослабевать.

В целом, Х. Накадзима обращает внимание на множественность взглядов на суть науки и, в частности, научного познания. На примере Японии хорошо видно, как в течение менее 150 лет разнообразие этих взглядов увеличилось, при этом нивелируя значимость каждого из них по отдельности и создавая в достаточной степени «размытое» видение. При этом становится очевидным, что примерно до начала 1980-х гг. смена идей вполне неплохо описывалась схемой, предложенной Т. Куном [12], хотя роль событий в общественной жизни также была огромной. Однако в последние десятилетия произошло по сути следующее. Представления Т. Куна сформировали своего рода парадигму, но внимание к ней и определенного рода критика (см. ниже) привели к тому, что она сменилась не новой парадигмой, а была попросту «размыта». Таким обра-

зом, «кунификация» философии науки, о которой пишет Х. Накадзима, привела к подрыву, если не ниспровержению ее собственных оснований.

Особое место в работах Х. Накадзимы занимает критика идей Т. Куна, которая является весьма простой по сути, но важной с теоретической точки зрения. В статье [2] можно выделить три критических момента. Во-первых, по мнению Х. Накадзимы, Т. Кун сводит понимание науки к знанию и научному обществу, придерживающемуся некоей парадигмы. Это означает сужение трактовок, которые по сути исключают общество из числа факторов научного познания. Во-вторых, увлеченные идеями Т. Куна ученые уделяли сравнительно мало внимания социальным проблемам, поднимаемым современной наукой. В частности, ими игнорировались вопросы научной политики государства, общественного восприятия научной деятельности и т. д. Данная трактовка Х. Накадзимой научного наследия Т. Куна может быть интерпретирована таким образом, что недостаточность внимания к проблемам социальной детерминации научного познания способствует «выхолащиванию» самого научного познания. Наконец, в-третьих, указывается на утрату интереса к науке представителями младших поколений с одновременным ростом спроса на ненаучные идеи. Это означает, что меньшее внимание к социальным основаниям науки и научного познания способствует ослаблению этих оснований и при этом увеличению «разрыва» между наукой и обществом. Более того, данный процесс имеет своим результатом усиление позиций ненаучных и даже антинаучных инструментов познания, которые из маргинальных превращаются в полноценно альтернативные. Иными словами, недостаточный учет социальной детерминации (или даже отказ от такового) имеет конечным следствием не просто некорректность понимания сути научного познания философами, но и способствует тому, что можно назвать десоциализацией (важно говорить и о деполитизации [3]) науки. Суммируя отмеченные критические замечания Х. Накадзимы, заключим, что они направлены скорее не против известной схемы развития, предложенной Т. Куном, сколько против ее возведения в некий абсолюте. При этом если основанные на представлениях о парадигме идеи сами по себе представляют парадигму, то критика адресована именно научному сообществу как носителю этой парадигмы. Тот факт, что последняя, как следует из рассматриваемых работ японского ученого, оказывает разрушающее воздействие как на понимание сути научного познания, так и на само это познание, значит, что продвижению представлений о парадигме должна сопутствовать качественная оценка этого явления.

Х. Накадзима активно использует в своих работах аббревиатуру *STS* [1–3], которая часто фигурирует в трудах и других современных исследователей. В настоящее время принято расшифровывать ее как «изучение науки и технологий» (от англ. *science and technology studies*). Однако Х. Накадзима придерживается несколько иной расшифровки, которая использовалась ранее и другими исследователями, – «наука, технологии, общество» (от англ. *science, technology, society*). Более того, он ак-

центрирует внимание на этом, что однозначно подчеркивает исключительную роль социальной детерминации в его понимании сути научного познания. Здесь важно обратить внимание на то, что данный исследователь явно полагает государственную политику в области науки и восприятие науки обществом основными механизмами этой детерминации. Обращаясь непосредственно к научному познанию, такие представления можно интерпретировать следующим образом. Государственная политика в области науки исходит из сложившихся традиций, текущих интересов общества, а также стоящих перед ним задач, однако во всех случаях в понимании разрабатывающих и осуществляющих ее органов или конкретных лиц. В этом случае познание оказывается дважды детерминированным: во-первых, со стороны общества, а во-вторых, со стороны лиц/структур, не только являющихся выразителями общественных взглядов, но и активно их формирующих. Однако на самом деле оно детерминировано трижды, так как восприятие науки обществом влияет на направленность, значимость и даже качество научных исследований. Во-первых, общественный интерес к определенной проблематике делает ее более актуальной и для ученых (и по причине возможности для приобретения популярности и, следовательно, «веса», и по причине появления новых возможностей для финансовой и/или административной поддержки исследований). Во-вторых, если общество утратило интерес к науке, то значимость именно научного познания снижается, а получаемый с его помощью результат «размывается» информацией, приобретенной с использованием ненаучных инструментов. Наконец, в-третьих, уровень интереса общества к науке сильно воздействует на требования к качеству проводимых исследований. Вполне очевидно, что при снижении такого интереса требования эти также снижаются.

Социальная детерминация научного познания в понимании Х. Накадзимы проявляет определенное сходство с марксистским взглядом, вывод о чем может быть сделан как напрямую из его работ [2], так и на основании выводов относительно трендов развития философии науки в современной Японии [4]. Это достаточно любопытно в связи со следующим обстоятельством. С одной стороны, Х. Накадзима противопоставляет развиваемые им идеи представлениям Т. Куна. Однако стоит вспомнить, что в послесловии к советскому изданию (1977 г.) книги последнего, написанному С. Р. Микулинским и Л. А. Марковой [12], отмечается созвучность этих же представлений марксистскому взгляду на науку. Возникающий в таком случае парадокс может быть разрешен таким образом, что идеи Х. Накадзимы и Т. Куна действительно могут быть увязаны с марксистской философией, однако с разными ее положениями. Стоит также добавить, что и Кун и Накадзима активно используют исторический подход в своих работах.

Суммируя всё вышесказанное, обозначим следующие основные идеи, развиваемые Х. Накадзимой: во-первых, наука в целом и научное познание в частности имеют четко выраженную социальную детерминацию; во-вторых, эта социальная детерминация ставит под вопрос развитие

мировой науки в соответствии с известной схемой Т. Куна; в-третьих, недостаток внимания к социальной детерминации научного познания ухудшает «качество» последнего; в-четвертых, социальная детерминация научного познания тесно связана с государственной политикой в области науки и восприятием науки обществом; в-пятых, представления о социальной детерминации научного познания вновь поднимают проблемы, актуальные в марксистской философии. Важно обратить внимание, что важность этих и сходных с ними идей (например, [4; 13]) оказалась продиктованной значительными изменениями в государственной политике в сфере науки, которые имели место в Японии в 1990-х гг. Это само по себе подтверждает актуальность обсуждения проблемы социальной детерминации научного познания.

Безусловно, развиваемые Х. Накадзимой идеи должны восприниматься с должной степенью критичности. Например, он явно умаляет значение представлений Т. Куна о научном сообществе [2], которые, кстати, признавались советскими комментаторами его книги даже более важными, чем понятие парадигмы [12]. При этом вполне очевидно, что в контексте идей Х. Накадзимы представления о научном сообществе вполне могут получить новое развитие. Это произойдет в том случае, если последнее само по себе будет рассматриваться не как всего лишь носитель научного знания, но и как социальная структура. При этом научное познание окажется социально детерминированным уже не трижды (см. выше), а четырежды. Четвертой составляющей выступит воздействие на него социальных процессов, происходящих в самом научном сообществе, а также затрагивающих взаимодействие научного сообщества и общества в целом.

Рассмотрим два примера, которые касаются новых направлений научных исследований в области наук о Земле, появившихся уже в XXI в. Первым из таких направлений является изучение цунами, происходящих в настоящее время и имевших место в геологическом прошлом, и их разнообразных последствий. Проведенный анализ соответствующих публикаций в международных научных журналах выявил значительный рост их количества, который пришелся, главным образом, на вторую половину 2000-х гг. [14]. Значительный интерес к этой проблематике сохраняется до настоящего времени. Вполне очевидной причиной стала катастрофа в Индийском океане 26 декабря 2004 г. При этом совершенно недопустимо говорить о том, что неготовность к ней потребовала соответствующих исследований ради недопущения или, по крайней мере, минимизации последствий подобного рода явлений в ближайшем будущем. В действительности проводимые после 2004 г. исследования носят зачастую фундаментальный характер и касаются вопросов, которые не имеют прямого (а подчас и косвенного) практического значения. Выделение изучения цунами с геологической точки зрения в самостоятельное и быстро развивающееся направление научных исследований произошло и по другим причинам, которые анализировались ранее [Ibid.]. К их числу относятся, например, лучшие условия финансирования на-

учных проектов в условиях общественного резонанса катастрофы. С философской точки зрения оформление этого нового направления означает, во-первых, диверсификацию научного познания, а во-вторых, формирование соответствующего исследовательского сообщества, осуществляющего генерацию новой научной информации. Всё это произошло под влиянием общества, а не по объективным причинам: сопоставимые по разрушительности цунами случались и раньше (при этом неоднократно), однако не получали столь большого общественного резонанса в планетарном масштабе, что, в свою очередь, не находило столь большого отклика в научной среде. После 2004 г. изучать все вопросы, связанные с цунами, стало «просто» (лучшее финансирование) и «модно» (широкое обсуждение в средствах массовой информации, всеобщая озабоченность проблемой), а потому привлекательно по субъективным соображениям. Это яркий пример социальной детерминации научного познания, когда последнее определяется не объективной необходимостью, а влиянием общества.

Второй пример связан с массовым научным интересом к геологическому туризму с конца 2000-х гг. Если до этого времени соответствующие исследования проводились крайне редко, а публикации были единичны, то во втором десятилетии XXI в. изучение проблем геологического туризма оформилось в самостоятельное направление с массой ежегодно публикуемых работ [15]. Причиной тому является глобализация, действие которой заключается в следующем. Во-первых, она способствует быстрому обмену идеями. Изначально развившись в Великобритании и концентрируясь в этой и соседних с ней странах, изучение геологического туризма смогло затем быстро распространиться по всему миру. Во-вторых, глобализация способствует возникновению новых форм общественной организации. В частности, речь идет о появлении так называемых «сетей глобального действия» (англ. *global action network, GAN*), которые подробно рассмотрены в работах П. Гласбергера [16] и С. Уодделла [17]. Подобного рода сеть быстро охватила ученых и практиков, являющихся энтузиастами геологического туризма, что способствовало интернационализации соответствующих исследований и созданию мировой сети геопарков. Важно понимать, что именно возможность функционирования GAN в условиях глобализации, представляющая для отмеченных выше энтузиастов интерес сама по себе, подтолкнула становление данного направления. При этом речь идет о действительной корректировке восприятия специалистами-геологами объектов своего изучения. Стали учитываться социальное значение этих объектов, их эстетические свойства, равно как и ценность в качестве наследия человечества. Иными словами, произошла некоторая корректировка научного познания в его части, касающейся геологии. Налицо действие социальной детерминации, основным агентом которой в данном случае выступила глобализация.

Подводя итог сказанному, могут быть сделаны следующие общие выводы. Во-первых, Х. Накадзима своими работами создает основу для изучения социальной детерминации научного познания. Во-вторых, представ-

ления Х. Накадзимы подлежат дальнейшей интерпретации и развитию. В-третьих, фактическая реализация социальной детерминации научного познания подтверждается примерами из современной науки.

Литература

1. *Nakajima H.* STS Towards the Twenty-first Century / H. Nakajima // *Science, Technology & Society*. – 1999. – Vol. 4. – P. 55–58.
2. *Nakajima H.* Differences in East Asian STS : European Origin or American Origin? / H. Nakajima // *East Asian Science, Technology and Society : An international Journal*. – 2007. – Vol. 1. – P. 237–241.
3. *Nakajima H.* Depoliticization or Americanization of Japanese Science Studies / H. Nakajima // *A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. – 2013. – Vol. 27. – P. 163–176.
4. *Fujita Y.* The Rise, Decline, and Revitalization of the Marxist Tradition in Japanese Science and Technology Studies / Y. Fujita // *A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. – 2013. – Vol. 27. – P. 130–144.
5. *Мамчур Е. А.* Социокультурная детерминация научного познания (дискуссии в современной постпозитивистской философии науки) / Е. А. Мамчур // *Вопросы философии*. – 1987. – № 7. – С. 31–41.
6. *Лебедев С. А.* Социальная природа и инновационный характер современной науки / С. А. Лебедев // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. – 2010. – № 4. – С. 5–13.
7. *Лебедев С. А.* Современная наука : социальность и инновационность / С. А. Лебедев // *Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 7, Философия*. – 2011. – № 1. – С. 36–45.
8. *Назирова А. Э.* Современная философия и методология науки / А. Э. Назирова, О. В. Маслиева, В. В. Ильин. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т сервиса и экономики, 2013. – 201 с.
9. *Русина О. В.* Проблема воздействия общества и культуры на научное познание : основные модели / О. В. Русина // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 6.
10. *Супрун Н. Г.* Ценностно-смысловая детерминация научного познания в контексте субъектно-деятельностного подхода / Н. Г. Супрун // *Теоретические и прикладные вопросы науки и образования*. – Тамбов : Юком, 2015. – С. 152–155.
11. *Ширшин Г. А.* Философско-методологические принципы совместного развития науки и техники / Г. А. Ширшин // *Труды НГТУ им. П. Е. Алексеева*. – 2014. – № 3. – С. 285–293.
12. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 302 с.
13. *Kihara H.* The Neoliberal Transformation of STS in Japan / H. Kihara // *A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. – 2013. – Vol. 27. – P. 145–162.
14. *Ruban D. A.* Research in tsunami-related sedimentology during 2001–2010 : can a single natural disaster re-shape the science? / D. A. Ruban // *Geo-Acta*. – 2011. – Vol. 10. – P. 79–85.
15. *Ruban D. A.* Geotourism – a geographical review of the literature / D. A. Ruban // *Tourism Management Perspectives*. – 2015. – Vol. 15. – P. 1–15.

16. *Glasbergen P.* Global action networks : agents for collective action / P. Glasbergen // *Global Environmental Change*. – 2010. – Vol. 20. – P. 130–141.

17. *Waddell S.* Realising global change : developing the tools : building the infrastructure / S. Waddell // *Journal of Corporate Citizenship*. – 2007. – Vol. 26. – P. 69–84.

Южный федеральный университет

Рубан Д. А., Philosophiae Doctor (Университет Претории, ЮАР), кандидат геолого-минералогических наук, доцент Высшей школы бизнеса

E-mail: ruban-d@mail.ru

Тел.: 8(903) 463-43-44

Southern Federal University

Ruban D. A., Philosophiae Doctor (University of Pretoria, South Africa), Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor of the Higher School of Business

E-mail: ruban-d@mail.ru

Tel.: 8(903) 463-43-44